

Письма къ читателямъ.

«Всесторонне развитіе человѣческую личность и заложитъ въ человѣкѣ глубокое, тщательно обоснованное идеалистическое міросозерцаніе — значитъ гарантировать для него устойчивость въ самыя трудныя минуты жизни и въ смыслѣ физическаго здоровья».

Проф. Яроцкія.

Приведенныя слова получаютъ совершенно особое значеніе, когда читатель узнаетъ, что ихъ написалъ ученый врачъ, профессоръ патологіи и терапіи. Книга профессора Яроцкаго „Идеализмъ какъ фізіологическій факторъ“ (Юрьевъ, 1908 г.), изъ которой взяты приведенныя строки, разсматриваетъ болѣзни и ихъ леченіе съ точки зрѣнія единственно правильной и пріемлемой для теософа, но совершенно необычной для европейской науки. Профессоръ ставитъ физическое здоровье человѣка въ тѣсную связь *съ его стремленіемъ къ идеалу, съ поднятіемъ его нравственнаго уровня, съ развитіемъ высшихъ сторонъ его душевной жизни.*

Было бы великимъ благомъ для современнаго человѣчества, если бы подобныя идеи широко проникли въ сознаніе людей и легли въ основаніе всѣхъ новыхъ системъ общественнаго строя.

И это будетъ, потому что „не течетъ рѣка обратно“, а матеріалистическое воззрѣніе на человѣка и его природу сыграло свою роль и не можетъ уже удовлетворять растущее сознаніе. Скажемъ мимоходомъ, что это нисколько не умаляетъ значенія великихъ пріобрѣтеній матеріалистической науки, которая въ свое время была необходима для развитія точныхъ пріемовъ анализа. Никто не знаетъ яснѣе теософа, что нѣтъ *ничего лишняго и ненужнаго* въ мірѣ явленій, что все истекаетъ изъ важныхъ причинъ, недоступныхъ намъ только потому, что зрѣніе наше далеко еще не „орлиное“; поэтому онъ стремится вникать съ одинаковой

вдумчивостью и въ то, что ему нравится, и въ то, что *не* нравится. Истекшее столѣтіе съ его расцвѣтомъ матеріалистической науки сдѣлало важную работу для будущаго, и ошибка матеріалистовъ не въ оцѣнкѣ значенія этой работы, а въ односторонности, въ томъ, что они не видятъ духовной стороны живыхъ явленій. Не видятъ потому, что хотятъ понять жизнь, глядя на нее съ одной физической плоскости. — Попробуйте узнать направленіе бѣгущихъ кораблей, оставаясь на берегу; не пройдетъ нѣсколькихъ минутъ, какъ они исчезнутъ изъ вашихъ глазъ. Но стоитъ подняться на значительную высоту *надъ* ихъ движеніемъ, наблюдая за ними съ иной плоскости, и намъ станетъ ясно и ихъ направленіе, и гавани, куда они ведутъ свой рейсъ. Матеріалистъ — если ему попадется мое письмо — можетъ возразить: мнѣ и не нужно самому видѣть корабли; у меня есть наука, беспроволочный телеграфъ, точныя географическія свѣдѣнія, я — оставаясь и на берегу — буду знать, что *этотъ* корабль идетъ въ Смирну, а *тотъ* въ Японію. Да, это было бы вѣрно, если бы всѣ грани сложной жизни умѣщались въ одной физической плоскости и движеніе жизни происходило по точнымъ вычисленіямъ механики. Но этого нѣтъ: налетитъ неожиданно буря, потопитъ корабль со всѣми телеграфными аппаратами, или жестокость капитана вызоветъ взрывъ злобы среди матросовъ, они раздѣлаются съ нимъ и повернутъ курсъ корабля въ совершенно другомъ направленіи...

Преимущество идеалистическаго пониманія жизни въ томъ и состоитъ, что оно стремится подняться *надъ* міромъ проявленныхъ явленій, чтобы схватить ихъ общій смыслъ. Но, не имѣя истиннаго ключа къ тайнѣ жизни и смерти, идеализмъ строитъ гипотезы за гипотезами, а коренной вопросъ: *въ какомъ же истинномъ соотношеніи стоитъ духъ къ тѣлу и тѣло къ духу?* остается и по сіе время нерѣшеннымъ. Ключомъ этимъ не могла обладать ни спекулятивная философія, имѣвшая дѣло съ однѣми идеями, ни матеріалистическая наука, изслѣдовавшая однѣ только формы; имъ можетъ овладѣть только та система знанія, которая совмѣститъ оба полюса жизни въ одномъ объединяющемъ синтезѣ. Такая система существовала уже въ глубокой древности; въ наше время она же дается намъ подъ именемъ Теософіи, и уже потому должна бы заслуживать вниманія ученыхъ и мыслителей, что, не смотря на глубокую древность своего происхожденія, въ состояніи удовлетворить самымъ идеалистическимъ требованіямъ нашего времени, нисколько не противорѣча и самымъ послѣднимъ выводамъ науки.

По ученіямъ Теософіи челоѣческая жизнь протекаетъ одно- временно въ трехъ мірахъ (физическомъ, астральномъ и духов- номъ), и изъ взаимодействія этихъ міровъ создаются тѣ сложныя явленія земной жизни, которыя мы называемъ благополучіемъ и бѣдствіемъ, процвѣтаніемъ и упадкомъ, здоровьемъ и вырожде- ніемъ народовъ.

Въ Германіи Теософія получила названіе *Науки Духа*; и она имѣетъ право на это, ибо *изслѣдуетъ законы жизни души въ физическомъ тѣлѣ и внѣ тѣла, и всѣхъ ея переживаній какъ на землѣ, такъ и въ потустороннемъ мірѣ*. Земная жизнь, по Наукѣ Духа, дается челоѣку, какъ поле разнообразныхъ опытовъ, бла- годаря которымъ развиваются всѣ стороны его сложнаго сознанія: и умъ, и сердце, и совѣсть. На землѣ зарождаются причины всего совершающагося, въ астральномъ мірѣ созрѣваютъ послѣдствія этихъ причинъ; въ духовномъ мірѣ — всѣ активныя усилія чело- вѣка претворяются въ непреходящія качества, а когда челоѣкъ снова возвращается на землю, чтобы на высшей ступени физики развивать новыя стороны своего сложнаго сознанія,—эти же усилія проявляются въ видѣ прирожденныхъ способностей и талантовъ. Этотъ круговоротъ жизни и смерти продолжится до тѣхъ поръ, пока челоѣкъ не научится всему, чему можно научиться въ зем- ныхъ условіяхъ существованія.

Въ тяжелыя эпохи, подобныя переживаемой нами, когда эго- измъ и несправедливость однихъ классовъ общества вызываютъ взрывы озлобленія и ненависти у другихъ, — послѣдствія такого настроенія не исчерпываются тѣми явленіями, которыя мы можемъ наблюдать повсемѣстно вокругъ себя; кромѣ этихъ видимыхъ послѣдствій, созрѣваютъ и другія послѣдствія, невидимыя для насъ, но тѣмъ не менѣе реальныя и полныя огромнаго значенія для ближайшаго будущаго народовъ. Они создаются тѣми безчислен- ными вибраціями ненависти, зависти, страха и отчаянья, которыя несутся отъ смятеннаго челоѣчества въ астральный міръ и поро- ждаютъ тамъ условія, при которыхъ возникаютъ прототипы все- возможныхъ заразныхъ бациллъ. Возникая отъ столкновенія по- трясающихъ вибрацій челоѣческихъ злыхъ страстей, этотъ невидимый посѣвъ ожидаетъ только *благопріятныхъ условій*, чтобы наброситься на землю и воплотиться на ней въ видѣ чумныхъ, тифозныхъ, холерныхъ и другихъ бациллъ.

Таковъ истинный круговоротъ жизни: мирная культурная работа вызываетъ гармоническія условія въ астральномъ мірѣ, которыя съ своей стороны отзываются благими послѣдствіями на

земномъ существованіи человѣка, и наоборотъ насиліе и злоба производятъ страшныя пертурбаціи въ астральномъ мірѣ, а эти послѣднія—въ свою очередь—вызываютъ всевозможныя бѣдствія на землѣ.

Принявъ только *одно это* положеніе Теософіи, мы уже получимъ незыблемую, можно сказать, научную основу для *первенствующаго значенія нравственности* въ жизни народовъ. Этотъ законъ взаимодействія, вызывая въ сознаніи неизбѣжный кругъ видимыхъ причинъ и невидимыхъ послѣдствій, устанавливаетъ какъ *безусловную необходимость* — безъ которой невозможенъ истинный прогрессъ и неизбѣжны народныя бѣдствія—культуру всѣхъ благородныхъ свойствъ человѣческой души, всѣхъ ея добрыхъ качествъ, безъ которыхъ никогда не водворится „миръ и благоволеніе“ на землѣ.

Степень духовной эволюціи, до которой достигъ народъ, его физическая наслѣдственность и его Карма — вотъ три основы, на которыхъ строятся судьбы народовъ и которыя диктуютъ то мрачныя, то свѣтлыя страницы историческихъ лѣтописей. Всѣ онѣ создаются самими людьми и не могутъ быть ничѣмъ изменены, кромѣ самихъ людей, кромѣ *индивидуальныхъ и коллективныхъ усилій свободной человѣческой воли*.

Когда мы видимъ духовно и физически бѣдствующій народъ, первоначальный источникъ этихъ бѣдствій кроется въ его собственныхъ отрицательныхъ свойствахъ и въ погрѣшностяхъ его историческаго творчества. Если эти свойства таковы, что тормозятъ поступательное движеніе жизни, они создаютъ Карму отсталаго народа, бѣднаго среди природныхъ богатствъ, слабago несмотря на свою численность, нуждающагося въ сильныхъ толчкахъ извнѣ, которые бы будили и подгоняли его впередъ. Съ другой стороны, если проанализировать тѣ положительныя качества народной души, которыя ведутъ народы къ истинному прогрессу,—всѣ онѣ сводятся къ соблюденію тѣхъ основныхъ этическихъ законовъ, которые давались людямъ во всѣ времена великими міровыми религіями. Живя сообразно съ этими законами, народъ творитъ добрую Карму, готовитъ себѣ свѣтлое будущее, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вызываетъ оздоровленіе своей физической наслѣдственности.

Изъ этого видно, что „Карма“ не есть ничто фатальное, не поддающееся измененію. Это—живой процессъ человѣческаго творчества, всегда готовый видоизмѣниться подъ вліяніемъ добрыхъ усилій человѣка. Возьмемъ примѣръ изъ жизни современной Англій. Чудовищное накопленіе богатствъ въ рукахъ немногихъ лордовъ

въ ущербъ обезземеленному сельскому населенію породило тѣ страшныя картины преступности, болѣзней и смертности дѣтей въ трущобахъ большихъ городовъ Англіи, описанію которыхъ посвящены такія потрясающія страницы въ старинныхъ англійскихъ романахъ. Но за послѣднія десятилѣтія парламентскіе дѣятели Англіи создали законодательнымъ путемъ цѣлый рядъ широкихъ общественныхъ мѣропріятій, и трущобы—со всѣми своими ужасами—начали исчезать съ лица земли. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда я былъ въ Лондонѣ, послѣдніе остатки узкой трущобной улицы времянь Диккенса срывались при мнѣ до основанія, чтобы дать мѣсто широкому проспекту; кромѣ этихъ разрушаемыхъ домовъ, я такъ и не нашелъ тѣхъ мрачныхъ трущобъ, о которыхъ читалъ, но за то собственными глазами видѣлъ чудную общественную купальню для жителей бѣднѣйшаго изъ всѣхъ кварталовъ Лондона съ проведенной за десятки верстъ изъ Темзы водой, *проточной и нагрѣтой*, и рядомъ съ этимъ—множество лавочекъ съ казенной продажей по дешевой цѣнѣ молока для дѣтей бѣдняковъ съ муниципальных фермъ. Такая дѣятельность уничтожаетъ *благопріятныя условія* для проявленія ранѣ созданной дурной Кармы и сильно смягчаетъ ея послѣдствія. Такимъ образомъ, *разумная и добрая дѣятельность руководящихъ классовъ гаситъ злую Карму народа и создаетъ благопріятныя условія для его здороваго и успѣшнаго развитія.*

Если перейти къ вліянію душевныхъ процессовъ отдѣльнаго человѣка на его здоровье, мы увидимъ, что выводы профессора Яроцкаго во многомъ совпадаютъ съ ученіями Теософіи. Въ сознаніи большинства современнаго образованнаго общества и по сіе время преобладаетъ матеріалистическое воззрѣніе на гигиену души и тѣла. Большинство современныхъ врачей и даже родителей отождествляютъ *самого* человѣка съ его тѣломъ, и отсюда—односторонняя культура тѣла, чрезмѣрная его холя, неправильное воспитаніе ребенка, „упитыванье“ его, фиксированье его вниманія на физическое самочувствіе въ ущербъ душевнымъ качествамъ, которыя благодаря этому отодвигаются на задній планъ. Результатъ—пониженіе всего уровня человѣческой жизни и развитіе самаго низменнаго эгоизма, готоваго жертвовать всѣмъ, ради личнаго удовлетворенія. Можно считать аксіомой, что *культура тѣла безъ культуры души ведетъ къ эгоизму, эгоизмъ—къ ограниченію сознанія, а узкій кругозоръ—самый сильный тормазъ для развитія человѣка.*

Идеалистически настроенные люди проявляютъ другую крайность: не считаясь съ требованіями физическаго здоровья, они

изнуряють себя чрезмѣрнымъ напряженіемъ и часто надрываютъ свои силы. Обѣ крайности одинаково далеки отъ правильной культуры *всего* чловѣка. По ученію Теософіи тѣло есть *проводникъ духа* и его слѣдуетъ развивать, никогда не дѣлая изъ его самочувствія цѣли жизни, но и не забывая, что чѣмъ здоровѣе и совершеннѣе проводникъ, тѣмъ легче и полнѣе могутъ проявляться черезъ него всѣ стороны чловѣческаго духа. Здоровье и прочность физическаго организма достигаются не мяснымъ режимомъ и не врачебной гимнастикой, а правильной культурой духа, естественнымъ послѣдствіемъ которой является хорошо направленная воля, физическое воздержаніе и гармонія душевной жизни.

Подъ вліяніемъ такой культуры строится гибкій и устойчивый организмъ съ большой работоспособностью и тонкой восприимчивостью. Восточные Йоги, обладающіе совершенно невѣроятной для европейца властью надъ своимъ организмомъ, достигаютъ этого соблюденіемъ строгой дисциплины души и тѣла, которую можно свести къ тремъ главнымъ задачамъ: *расширеніе сознанія, культура эмоцій и очищеніе тѣла*. Европейцу трудно себѣ даже представить ту могучую силу, съ которой Йогъ владѣетъ всей своей природой, своимъ тѣломъ, эмоціями и страстями. Напомню моимъ читателямъ примѣръ—приведенный мной въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ—самообладанія—даже не Йога, а образованнаго Индуса изъ касты брамановъ, который не захотѣлъ принять хлороформъ во время мучительной операціи, утверждая, что онъ въ немъ совѣмъ не нуждается, и онъ *дѣйствительно* не чувствовалъ боли благодаря тому, что устремилъ свое внутреннее вниманіе на опредѣленный объектъ. Рядомъ съ такой властью надъ своимъ тѣломъ, Йогъ добивается для него такой устойчивости и такой силы сопротивленія, что можно не преувеличивая утверждать, что Йогъ никогда не хвораетъ и самая жизнь его удлинняется до размѣровъ, которые вызвали даже легенды о безсмертіи Йоговъ.

Чѣмъ же достигаются такіе результаты? Психологическіе методы Теософіи—потому что всѣ приемы воспитанія и развитія души, примѣнявшіеся древними посвященными на Востокѣ, вошли въ ученія Теософіи—не пригодны для людей слабыхъ и легкомысленныхъ, но они совершенно доступны для того, кто твердо рѣшитъ стать хозяиномъ своего тѣла и своей судьбы. Здѣсь все сводится къ выдержкѣ, самообладанію, терпѣнію и мужеству. Душевная культура Йога достигается: устремленіемъ вниманія на вѣчное; равнодушіемъ къ преходящему; строгимъ контролемъ надъ

мыслями, эмоціями и поступками; широкой терпимостью; вѣрностью идеалу и вѣрой въ свое божественное происхожденіе; развитіемъ всѣхъ видовъ терпѣнія; достиженіемъ внутренняго равновѣсія до степени глубокаго душевнаго мира;—душа, по любимому выраженію индусовъ, должна стать подобной тихому горному озеру, безъ малѣйшаго дуновенія страстей, которыя мѣшаютъ отражать истину. Физическая гигиена Јога состоитъ въ растительной пищѣ, для питья—чистая вода и молоко, въ пищѣ и питьѣ—ничего раздражающаго и способнаго возбуждать; строгое воздержаніе во всемъ; неизмѣнный ритмъ ежедневной жизни, правильное чередованіе труда и отдыха, бодрствованія и сна. Можно согласиться съ тѣмъ, что такая дисциплина трудно выполнима въ нашихъ шумныхъ городахъ съ ихъ искусственной, устремленной на пустыки жизнью и лихорадочной дѣятельностью. Всѣ современныя условія ведутъ къ тому, чтобы развивать неуравновѣшенныхъ, болѣзненныхъ и эгоистическихъ людей, съ вѣчно мѣняющимися настроеніями. Но это—явленіе переходное. *Будущность за сильными, уравновѣшенными, побѣдившими свою низшую природу и стремящимися къ единству.* И человѣкъ, желающій участвовать въ творествѣ грядущаго, долженъ стремиться къ такой силѣ и къ такой побѣдѣ и оставаться при этомъ чуткимъ ко всѣмъ многообразнымъ интересамъ усложнившейся общечеловѣческой жизни. Потому что будущая человѣческая раса совмѣститъ въ себѣ всѣ лучшія качества Востока и Запада: многосторонность духовнаго творчества, острый анализъ европейца и его яркая индивидуальность сольются съ самообладаньемъ, уравновѣшенностью, широкимъ синтезомъ и стремленьемъ къ единству восточнаго мудреца.

Если читатель спроситъ меня: знаю ли я людей, приближающихся къ такому совершенству? я могу отвѣтить твердо: да, знаю, и прибавить, что красота человѣка будущей расы такъ велика по сравненію съ несовершенствами современнаго человѣка, что нѣтъ такихъ усилій и нѣтъ такихъ жертвъ, которыя не стоило бы принести для достиженія такой красоты.

Профессоръ Яроцкій повидимому знаетъ это и знаетъ, что нѣтъ болѣе могучаго средства для борьбы съ болѣзнями какъ сильный духъ, вполне овладѣвшій своей низшей природой, и что единственный архитекторъ, способный построить дѣйствительно здоровое, выносливое, не поддающееся болѣзнямъ тѣло, это—поднявшаяся надъ эгоизмомъ, благородная и сильная въ активномъ добрѣ душа человѣка.

Если книга профессора Яроцкаго—знаменье времени—и его идеи перейдутъ въ сознание большинства образованныхъ людей, это будетъ зарей обновленной жизни на землѣ, фундаментомъ для новой общественной этики, безконечно болѣе совершенной и гуманной, чѣмъ этика отживающаго строя современной жизни.

Другъ читателя.

ЗОЛОТЫЯ СЛОВА.

(Мудреца Шри Шанкарачарія).

Кто сентиментально мечтаетъ о свободѣ и только мнимо свободный отъ страстей старается плыть по океану условнаго бытія, тотъ будетъ пойманъ акулой желанія, крѣпко схваченъ и, увлеченный въ глубину, захлебнется.

Знай, что Атма есть тотъ познающій, черезъ котораго все познается.

Атма есть вѣчное блаженство, которое всегда остается одинаковымъ и есть само познание. Это непроявленное духовное сознание начинаетъ проявляться на подобіе утренней зари въ чистомъ сердцѣ и свѣтитъ какъ полуденное солнце въ „пещерѣ мудрости“ *), откуда оно освѣщаетъ весь міръ.

*) „Пещера мудрости“, которую такъ тщетно искали анатомы и физиологи, находится между „бровями“. Для „отшельника“, который является обитателемъ этой пещеры, это выраженіе не требуетъ поясненій.